

Ю.И. Бытко, А.Л. Дядькин. ФОРМУЛА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО

“Саратовская государственная юридическая академия”, 2012. 400 с.

Краткая аннотация: в рецензии на монографию определяются актуальность и значимость поднимаемых проблем, анализируется содержание работы, оценивается сделанный авторами вклад в развитие российского уголовного законодательства.

Annotation: in the review onto the monograph the actuality and importance of the raised problems are defined, the content of the work is analyzed, the author's contribution into the progress of the Criminal Laws of the Russian Federation is appreciated.

Ключевые слова: уголовное законодательство, субъект преступления, юридическое лицо в уголовном законодательстве, ответственность юридических лиц.

Key words: criminal law, perpetrator, juridical person in criminal law, responsibility of juridical persons.

Экономические и политические преобразования последних десятилетий существенно расширили и усложнили сферу правового регулирования за счет появления частного сектора. В связи с этим во многих отраслях права возникла потребность в появлении новых, более эффективных и современных институтов, которые отвечали бы требованиям времени. Одной из таких проблем является вопрос о законодательной регламентации в России уголовной ответственности юридических лиц. Как отмечают авторы рецензируемой монографии, институт уголовной ответственности юридических лиц существует там, где есть грамотная политическая элита, способная увидеть в этом историческом феномене (фикции) действенный инструмент для предупреждения социальных конфликтов. Фикция, ко всему прочему, вот уже на протяжении столетия обладает силой закона. Задача исследователя заключается в том, чтобы, не ограничиваясь формально-догматической формулой преступления, предложить нравственно-духовное и политико-правовое обоснование социальной востребованности института уголовной ответственности “союзной” личности, что не в состоянии сделать юридический позитивизм (с. 10, 11).

Актуальность темы исследования очевидна как в практическом, так и в теоретическом плане. Однако нельзя не признать, что введение ответственности организаций побуждает к существенной модернизации уголовного законодательства. При этом необходимо всецело изучить все “за” и “против” применения таких новаций.

Вот почему работа Ю.И. Бытко и А.Л. Дядькина вызывает большой интерес. В проведенном исследовании убедительно показано, что процесс криминализации современного социума приобретает опасный для судеб страны характер, подрывает основы гражданского общества и правового государства. Для того чтобы легитимировать уголовную ответственность “бестелесной союзной” личности, необходимо при конструировании формулы деликтоспособности коллективных образований использовать исторический этико-правовой инструментарий, позволяющий уяснить истоки, природу и генезис данной юридической фикции.

Именно рассмотрению исторического аспекта уголовной ответственности юридических лиц и посвящено в основном данное исследование.

В первой главе “Историко-правовая характеристика института уголовной ответственности юридического лица” показано, что истоки этого института следует искать в архаичном цивилизованном обществе, о наработанной же формуле в истории европейской политико-правовой мысли можно говорить (начиная со второй половины XIX в.) как об антитезе классической конструкции уголовной ответственности индивида, апробированной к тому времени юридическим позитивизмом. К этому времени в зарубежной и отечественной науке уголовного права сложилась традиционная концепция, сущность которой заключалась в строгом и неуклонном соблюдении оснований для привлечения к уголовной ответственности исключительно физических лиц. С функциональной точки зрения состав преступления рассматривался как некая догма, центральное место в которой занимал субъективный человеческий фактор – наличие вины (с. 7, 8). Начало понятия юридического лица, форм его ответственности (при всей полемичности этой проблемы) авторы относят к “золотому веку” в истории римской юриспруденции. Римские юристы классического периода констатировали, что в хозяйственном обороте способны принимать участие не только *физические*, но и *юридические* лица. Юридическое лицо – социальное целое, обладающее волей. Хотя содержание этой воли устанавливается отдельными людьми, но она считается волей не этих людей, а не зависимого от них социального единства. Поэтому права и обязанности в этих случаях принадлежат именно такому социальному целому, а не отдельным людям, входящим в его состав (с. 22, 23).

Вторая глава посвящена нравственным постулатам (максимам, абсолютам), императивам в уголовном праве Древнего мира и в законодательстве средневековой Европы. В ней также приводятся убедительные доводы авторов, что институт уголовной ответственности юридических лиц историчен. Историзм относится как к бытию данного института (онтология), формам его проявления и познания (аксиология), так и к элементам социальной ценности (аксиология). Уголовная ответственность юридической личности – физической или “союзной” – на корпоративных началах опосредована социально-историческим опытом, выражает всю совокупность внутренне взаимосвязанных объективных свойств и существенных характеристик как всеобщей и необходимой формы борьбы с негативными последствиями деятельности

организованного капитала, в том числе с таким признанным уже на заре мировой правовой культуры явлением, как корупция (с. 116).

В *третьей главе* рассмотрена идейная, социально-экономическая и правовая природа уголовной ответственности “союзной” личности. Системный анализ и сравнительное правоведение позволили науке на рубеже XIX–XX вв. выделить качественно новые признаки ответственности юридических лиц. Объединение правового историзма, юридического позитивизма (во всех модификациях) и социальной юриспруденции способствовало формированию современной методологической базы, предоставившей исследователям возможность перейти от критики постулатов (абсолютов) уголовного права классической школы к конструированию формулы уголовной ответственности корпораций в рамках социологического направления, широко, как и естественно-правовая доктрина, использующего при определении оснований и условий деликтоспособности “союзной” личности нравственные категории о социальной справедливости (с. 212).

В *четвертой главе* авторы приходят к выводу, что отсутствие института ответственности юридических лиц пагубно сказывается на эффективности борьбы с транснациональной коррупцией в условиях острого противоборства на мировой арене, является одной из причин неконкурентоспособности национальной правовой системы. Институт уголовной ответственности “союзной” личности является не только своеобразным юридическим феноменом, но и важным политическим фактором, оказывающим непосредственное воздействие на правовую культуру и духовную жизнь гражданского общества (с. 272).

Интересны позиция и вопросы, поставленные Ю.И. Бытко и А.Л. Дядькиным, относительно проблем и возможных вариантов устранения коллизий между нормами УК РФ и УПК РФ. Например, заслуживает внимания предложение авторов: если строить деятельность суда присяжных в строгом соответствии с формулой английского права (“вопросы факта решают присяжные, вопросы права – судьи”), следует, сохраняя неизменным в УК РФ принцип субъективного вменения, внести существенные изменения в статьи УПК РФ, регламентирующие деятельность такого суда. И прежде всего из перечня вопросов, ответы на которые в соответствии со ст. 339 УПК РФ относятся к компетенции присяжных заседателей, необходимо исключить вопрос о виновности или невиновности подсудимого как юридический, устранив, таким образом, коллизию между нормами УК РФ и УПК РФ. Другие статьи УПК РФ привести в соответствие с этим постулатом. В данном случае приоритет должен быть отдан нормам УК РФ в сравнении с нормами УПК РФ (с. 379).

Монография Ю.И. Бытко и А.Л. Дядькина содержательна, богата фактическим материалом, а также интересными теоретическими выводами и обобщениями. К ее особенностям можно отнести и заложенное в ней стремление авторов вызвать у читателя (оппонента) интерес к своей теме и побудить его к взвешенному и объективному анализу приводимых ими выводов. Такой подход порождает возможность дискуссии по многим действительно сложным, спорным, недостаточно изученным вопросам, относящимся к исследуемой теме, которые не скрываются за общими рассуждениями, а наоборот, выдвигаются на первый план, придавая работе острый, полемический характер.

В порядке участия в такой дискуссии, которую авторы, на наш взгляд, сами предлагают в своем исследовании, представляется уместным высказать несколько соображений, относящихся к отдельным спорным положениям монографии

и правового исследования, оценка которых может быть неоднозначной, а позиция авторов представляется небезупречной.

Так, избранная авторами структура исследования не лишена недостатков. В частности, возникают невольные повторения: например, дублируется рассмотрение некоторых исторических периодов. Кроме того, глава первая носит название “Историко-правовая характеристика института уголовной ответственности юридического лица”, а ее рассмотрение заканчивается на средних веках. При этом во второй и третьей главах монографии наличествуют параграфы, которые можно отнести к историческим этапам.

Вряд ли можно безоговорочно согласиться с позицией авторов относительно возможности провозглашения принципа объективного вменения и отказа от принципа субъективного вменения. Как утверждают авторы, для такого варианта уже сегодня имеются следующие предпосылки. *Во-первых*, провозглашая в ст. 5 УК РФ принцип ответственности за вину (субъективное вменение), законодатель в статьях Особенной части Кодекса сплошь и рядом отступает от него. В частности, в п. “в” ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 160 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак “с причинением значительного ущерба гражданину”. В соответствии с рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ при решении вопроса о размере причиненного гражданину ущерба следует учитывать не только стоимость похищенного имущества, но и его значимость для потерпевшего, а также материальное благосостояние последнего, наличие у него источника доходов, их размер и периодичность поступления, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. Доказать информированность субъекта о названных обстоятельствах до начала совершения преступления практически невозможно. Однако это, по мнению Пленума, не препятствует вменению ему в вину данного квалифицирующего признака, что, безусловно, означает объективное вменение.

Сказанное свидетельствует о том, что хотя в УК РФ и провозглашается принцип ответственности за вину, однако торжествует принцип объективного вменения. Другими словами, мы имеем дело с типичной фикцией: если провозглашенный принцип сплошь и рядом нарушается, это означает не что иное, как утверждение *de facto* другого принципа – основополагающей идеи, которая и должна быть закреплена (с. 377 – 379).

Во-вторых, утверждение в УК РФ принципа объективного вменения взамен принципа субъективного вменения соответствовало бы требованию времени об установлении в России уголовной ответственности юридических лиц (с. 379). С нашей позиции, безусловно, в указанных примерах присутствует объективное вменение, однако это – нарушение принципа законности при чрезмерном использовании оценочных понятий, а не основание утверждать о допустимости провозглашения принципа объективного вменения, который, в свою очередь, противоречит принципу законности. Хотелось бы также отметить, что уголовное право не может следовать только одному какому-либо принципу, какие бы важные аспекты он ни выражал, в связи с тем, что оно выполняет несколько функций. При этом системность уголовно-правовых принципов означает их тесную связь и взаимообусловленность. Действие каждого принципа, поддерживающегося в этой системе, зависит от полноты и реальной действительности остальных принципов. Однако при таком тесном взаимодействии неминуемо взаимное противоречие, и для того чтобы облегчить правоприменителям задачу выбора, необходимо добиваться паритета принципов лишь на основании закона. Таким образом, введение мер уголовно-

правового характера в отношении юридических лиц если и возможно, то лишь добившись соответствия принципам уголовного законодательства.

Сущность преступления заключается в направленности общественно опасного деяния на причинение вреда объекту охраны, а сущность субъекта преступления – в его способности совершить такое деяние. Последняя же обретается вместе с формированием личности человека, когда в силу возраста и психического состояния (вменяемости) он становится способным делать выбор между общественно полезным и общественно опасным поведением, вступать в социально-правовой конфликт с обществом, осознавать общественную опасность своего деяния, предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, желать их либо не желать, но сознательно допускать или относиться к ним безразлично (ст. 25 УК). Потому под физическим лицом подразумевается не просто субъект преступления, а именно человек как личность, вполне сформировавшаяся, чтобы осознавать антисоциальное свойство своего поведения. “Физическим лицом” он назван отнюдь не для удобства дополнения в дальнейшем ст. 19 УК выражением “юридическое лицо”, но для терминологического соответствия с другими отраслями права и для специального обозначения этим действительно юридическим термином субъекта уголовной ответственности, а значит, и субъекта преступления – преступника, человека, совершившего преступление, в отличие от множества наименований человека, используемых при обозначении объектов охраны и потерпевших: “личность”, “человек”, “лицо”, “женщина”, “ребенок”, “потерпевший”, “малолетний”, “близкие”, “больной”, “несовершеннолетний”, “потерпевшая”, “несовершеннолетняя”, “человек и гражданин”, “гражданин”, “люди” и др.

“Специфика уголовной ответственности – ее личный характер” обуславливается не столько тем, что “субъектом уголовно-правовых отношений, с одной стороны, является физическое лицо, а с другой – государство”, но тем, что единственным основанием возникновения этих отношений, “основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступле-

ния, предусмотренного настоящим Кодексом” (ст. 8 УК). Совершить же такое деяние способен исключительно только человек, обладающий признаками субъекта преступления, а не какая-то “юридическая условность” или юридическое лицо. Уголовная ответственность (наказание) – это следствие совершенного преступления. На этом основано соотношение двух центральных категорий уголовного права: “преступление” и “наказание”. В этом – социальный и правовой смысл уголовного законодательства и главное гуманистическое направление его развития и совершенствования. Наверное, можно, как и в старые “добрые” времена, “политически” решить вопрос и “возложить” уголовную ответственность на юридических лиц и без преступления, к совершению которых они как юридическая форма (оболочка) взаимодействия людей (точно так же, как норма права, статья закона, юридический институт и т.д.) никакого отношения не имеют. Однако такой законодательный акт станет сокрушающим ударом по гуманистическим основам законодательства, ознаменует собой регресс российского уголовного права.

В целом монография Ю.И. Бытко и А.Л. Дядькина, безусловно, заслуживает высокой оценки с точки зрения ее научного уровня и теоретической значимости. Результаты проведенного исследования могут быть с успехом использованы в учебном процессе. Выводы и положения, содержащиеся в работе, имеют перспективное значение для развития юридической науки, поскольку затрагивают одну из актуальных и недостаточно изученных теоретических и практических проблем правовой жизни.

В.В. Мальцев, профессор кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России, доктор юрид. наук, заслуженный юрист РФ (E-mail: oleg-strilez@rambler.ru);

О.В. Стрилец, начальник кафедры уголовного права той же академии, канд. юрид. наук, доц. (E-mail: oleg-strilez@rambler.ru);

В.А. Канубриков, старший преподаватель кафедры уголовного права той же академии, канд. юрид. наук (E-mail: v.kanubrikov@mail.ru)